

Общая характеристика работы

Реферируемое диссертационное исследование посвящено изучению функционирования местоименных прилагательных в русскоязычном и англоязычном дискурсах.

Маршруты лингвистического поиска пролегают не только в прошлое языка и культуры, но и в их будущее, не обходя вниманием настоящего. Однако есть такие «вечные» проблемы, маршруты поиска которые наблюдались в прошлом, существуют в настоящем и, надо полагать, не исчезнут из поля внимания лингвистов в будущем.

Одной из таких «вечных тем» лингвистики является **проблема частей речи и места в ней местоимений**. Она как «вечная распря, которая разметала лингвистов по разные стороны баррикады» [Леонтьев 1968 : 80], является одним из парадоксов лингвистической науки, в котором состав и номенклатура частей речи неодинаковы не только в разных языках, но и в одном и том же языке у различных исследователей. При этом местоимения в языках – это особый и один из наиболее загадочных разрядов слов, вокруг которого до настоящего дня продолжаются оживленные лингвистические дискуссии [Воротников 2001: 42; Морозова 2004, 2007 : 77; Федотов 2006 : 322 и др.].

Анализ отечественной и зарубежной грамматической традиции показал, что, несмотря на то, что история изучения местоимений насчитывает около трех тысячелетий, а посвященная им литература почти необозрима, к ним в наибольшей степени относятся слова Е.С. Кубряковой о том, что ученые так и не подвели **итоги** всей этой работы, а сведения об истории изучения частей речи, в том числе и местоимений, сами по себе достаточно объемные, носят до сих пор фрагментарный характер и не сведены воедино [Кубрякова 2004 : 30]. До сих пор не изменено мнение А.М. Пешковского о том, что «местоимения из-за своей отвлеченности везде являются «нарушителями порядка», везде создают особые подрубрики, особые комбинации, особые случаи» [Пешковский 2002 : 159].

Сказанное свидетельствует о том, что один из насущных запросов современной лингвистики состоит в том, чтобы, обобщив и систематизировав существующие взгляды, уяснить состояние проблемы в наши дни для того, чтобы определить возможные перспективные пути будущих исследований в этой области, то есть понять, использование каких парадигм способно дать новые знания об этом классе слов.

Осмысление лингвистики на стыке XX и XXI веков привело к осознанию того, что «статус современной лингвистики следовало бы охарактеризовать как **полипарадигмальный**» [Кубрякова 1995 : 228].

Полипарадигмальный характер современной лингвистики проявляется, по мнению Е.С. Кубряковой, в первую очередь в тенденции к экспансионизму и экспланаторности. При этом экспансионизм она усматривает «в почти повсеместном признании того факта, что для адекватного познания языка необходимы выходы в разные области гуманитарного знания» [Кубрякова 1995 : 207]. Экспланаторность связана со стремлением ввести в анализ языка «объяснительный момент», или, по

терминологии В.З. Демьянкова, и н т е р п р е т и р у ю щ и й м о м е н т [Демьянков 1994].

Когнитивная лингвистика заняла одно из ведущих мест в современном языкознании, «во многом определяющее лицо современной лингвистической науки» [Попова, Стернин 2007 : 3], которая характеризуется «выдвижением в ней двух главных парадигм научного знания – к о г н и т и в н о й и к о м м у н и к а т и в н о й (выделено нами – Ю.Ш.)» [Кубрякова 2004 : 36], а главное - их взаимодействие и даже **согласование**, привели к созданию такой новой парадигмы знания, которая получила название **КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ** [Кубрякова 2004; 2009 : 6]. Будучи подхваченной многими исследователями в нашей стране, она стала рассматриваться как «особая версия отечественной лингвистики, развивающая идеи когнитивизма» [Лузина 2006 : 41], так как когнитивизм позволяет подключить к его исследовательской программе проблемы, связанные с дискурсом и актами коммуникации.

Понимание того, что в современном языкознании наблюдается сближение функциональной лингвистики с когнитивной [Сорокина 2003 : 94; Болдырев 2004], побудило нас принять интеграцию ведущих парадигм современности: ф у н к ц и о н а л ь н о – с е м а н т и ч е с к о й и к о г н и т и в н о – д и с к у р с и в н о й, так как в настоящий период в лингвистике на первый план выходят принципы исследования, ориентированные на когнитивное содержание и функциональное назначение языковых единиц [Нефедова 2001 : 16], поскольку «функции определяют способ существования той или иной категории в языке» [Алексеева 1998 : 177].

Учитывая, что новые парадигмы в лингвистике не характеризуются абсолютным разрывом с предыдущими [Налимов 2003 : 14], для нашего исследования необходимо принять во внимание длительную научную традицию изучения местоименности и местоименных слов.

Таким образом, современная лингвистика дает методологическую базу для изучения таких сложных научных объектов, какими являются местоименные прилагательные (МП) как фрагмент языковой картины мира при синтезе двух избранных парадигм с учетом отечественной и зарубежной грамматической традиции.

Актуальность исследования местоименных прилагательных в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы обусловлена рядом факторов.

Опыт прошлого и в какой-то мере современности показывает, что исследователи достигли единодушия лишь по трем проблемам местоименности: во-первых, что это, пусть особые, но все же единицы «системы языка» и «функциональные единицы речи» - с л о в а [Виноградов 1972 : 15], «неотступно представляющиеся нашему уму как нечто центральное во всем механизме языка» [Соссюр 1999 : 113] и в которых «совершается акт познания» [Потебня 1958 : 219]; во-вторых, это слова, которые ничего не называют, а лишь указывают на предметы, признаки, количества и замещают имена; в-третьих, местоимения – это универсальный класс слов, известный всем славянским и неславянским языкам [Чепасова и др. 2007 : 143], а явление местоименности, по

данным компаративистики, характерно всем изучаемым языкам (Л. Блумфилд, О. Есперсен, Ж. Вандриес, М. Бейкер и др.).

Все остальные проблемы местоименности являются до сих пор дискуссионными, а потому перед нами встала задача: очертить проблемное поле местоименности, выделить его основные аспекты, что и решается в первой главе диссертации.

Исходя из этого, изучение местоимений, безусловно, является **актуальным**, так как будет способствовать хотя бы частичному снятию проблемности не только в изучаемых языках (русском и английском), но и в типологии языков в целом.

Актуальность темы обусловила **объект исследования** – фрагмент языковой картины мира, репрезентированный местоименными прилагательными в русском и английском языках.

Предметом исследования являются семантическое и денотативное пространства местоименных прилагательных, функционирующих в русскоязычном и англоязычном дискурсах.

Следует отметить, местоимения и местоименные прилагательные активно изучаются лингвистами с самых разных позиций: - с *терминологической позиции* (К.С. Аксаков, И.И. Давыдов, Ю.А. Левицкий, М.В. Панов, А.М. Пешковский, В.А. Плотникова, Л.В. Щерба и др.); - с *позиции частеречной природы* (К.С. Аксаков, В.А. Белошапкина, Л. Блумфилд, Ж. Вандриес, В.В. Виноградов, Н.И. Греч, О. Есперсен, М.В. Ломоносов, А.М. Пешковский, А.А. Потебня, Г.Ф. Рахимкулова, А.А. Шахматов, А.М. Чепасова и др.); - с *позиции знаменательности / служебности* (А.С. Белоусова, Ф.И. Буслаев, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, Л.Д. Игнатъева, Ю.А. Левицкий, Е.К. Майтинская, Л.Я. Маловицкий, Ж.З. Мительская, В.В. Морковкин, А.М. Пешковский, В.А. Плотникова, В.А. Плунгян, А.А. Поликарпов, Д.Э. Розенталь, А.Д. Соловьева, Л.В. Щерба, Н.Ю. Шведова и др.); - с *позиции семантики* (С.А. Крылов, Е.В. Падучева, А.А. Потебня, Т.А. Сумникова, Н.Ю. Шведова); - с *позиции функциональности* (М. Бейкер, Л. Блумфилд, К. Бругман, К. Бюлер, У. Вайнрайх, Ф. Карнап, С. Крипке, К.И. Льюис, А.М. Пешковский, В.М. Панов, Б. Рассел, А. Тарский, Э.З. Харрис, Л.В. Щерба и др.); - с *позиции когнитивной лингвистики*, теоретические основы которой были разработаны Е.С. Кубряковой [1995, 1997, 2004, 2009], а практические исследования представлены в единичных работах (О.Ю. Авдевина, И.С. Морозова, Н.Б. Руженцева и др.).

Как видим, эти исследования подготовили возможность комплексного изучения МП.

Цель исследования заключается в выявлении закономерностей построения семантического и денотативного пространств местоименных прилагательных, функционирующих в русскоязычном и англоязычном дискурсах и в установлении степени профилированности местоименных прилагательных в национальных концептосферах.

Для достижения поставленной цели в диссертации формулируются следующие **задачи**:

1. Провести проблемный анализ научной литературы с целью создания понятийно-терминологического аппарата, а также методологии и методики данной работы.
2. Выделить корпус местоименных прилагательных в сопоставляемых языках.
3. Выявить и описать семантическое пространство местоименных прилагательных в изучаемых языках.
4. Выявить и описать денотативное пространство местоименных прилагательных в изучаемых языках.
5. Определить степень когнитивной выделенности местоименных прилагательных в русскоязычном и англоязычном дискурсах.

Языковым **материалом** для исследования послужил текстовый материал в русском и английском языках, извлеченный из «*Национального корпуса русского языка*» [www.ruscorpora.ru] и «*The British National Corpus*» («*Британского национального корпуса*») [www.sara.natcorp.ox.ac.uk].

В результате осуществления сплошной выборки количество анализируемых контекстов составило примерно 100 000 словоупотреблений в одинаковом объеме по языкам. Такой объем является вполне достаточным для получения достоверных сведений о специфике и общих чертах функционирования местоименных прилагательных в исследуемых языках.

Методы исследования определены логикой исследования и поставленными задачами. В целом работа выполнена в русле сопоставительного метода. Также используются общенаучные методы: анализ, синтез, классификация. А для решения частных задач применяются лингвистические методы, такие как: компонентный анализ в его дефиниционной разновидности, дискурсивный и денотативный анализы, метод лингвистической интерпретации полученных результатов и статистические (частотные) методики.

Методология исследования сложилась под влиянием ряда концепций:

- *концепция системности языковых единиц как одного из свойств объективного мира* (Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак, Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Д.Н. Шмелев; S. Bally, M. Berry, E. Coseriu, L. Hjelmslev, У. Krupa, F. de Saussure, P. Segall, J. Vachek и др.);

- *положения сопоставительной лингвистики* (В.Д. Аракин, Л.С. Бархударов, В.Г. Гак, Т.А. Комова, Л.В. Щерба, В.Н. Ярцева; S. Bally, J. Baudouin de Courtenay, R. Lado, V. Mathesius, F. A. Rice и др.);

- *теория функциональной (коммуникативной) лингвистики* (Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко, М.В. Всеволодова, В.З. Демьянков, Г.А. Золотова, О.Н. Селиверстова, Н.А. Слюсарева, Ю.С. Степанов, Н.Ю. Шведова; К. Buhler, A. Martinet и др.);

- *теория когнитивной лингвистики* (Н.Д. Арутюнова, Т. ван Дейк, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, М.В. Никитин, Е.А. Пименов, З.Д. Попова, Э. Рош, И.А. Стернин, А.П. Чудинов; W. Croft, G. Dunbar, G. Frege, R. Jackendoff, G. Lakoff, R. Langacker, A. Wierzbicka и др.);

- *терминируемые понятия к а р т и н а м и р а и д и с к у р с* (Л.М. Алексеева, Г.А. Брутян, А.А. Зализняк, В.С. Иванов, Г.В. Колшанский, З.И.

Комарова, К.А. Переверзев, В.И. Постовалова, Ю.А. Рылов, Ю.С. Степин, В.С. Степин, В.Н. Топоров, В.Е. Чернявская, С.Л. Мишланова; E. Sapir, V. Whorf и др.);

- *теория комбинаторной природы лексического значения слова* (В.Г. Гак, Э.В. Кузнецова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.Д. Черняк, Д.Н. Шмелев, А.М. Шрамм и др.);

- *теория регулярной многозначности* (Ю.Д. Апресян, Н.В. Багичева, Н.А. Бахмутова, Е.Л. Гинзбург, Э.В. Кузнецова, Л.А. Новиков, М.М. Покровский, А.П. Чудинов, Е.А. Чудинова, Д.Н. Шмелев; M. Breal, G. Vendrtes и др.);

- *полевая модель системы языка* (В.Г. Адмони, А.В. Бондарко, Ю.Н. Караулов, З.Д. Попова, О.Г. Скворцов, И.А. Стернин, Г.С. Щур и др.);

- *денотативное направление в языке* (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, В.Г. Гак, Р. Карнап, С.А. Крылов, Е.В. Падучева, О.Н. Селиверстова, Р.М. Фрумкина; M. Breal, Ch. W. Morris и др.);

- *идеология корпусной лингвистики* (А.Н. Баранов, Н.Б. Гвишиани, О.Ю. Герви, А.Е. Кибрик, Ю.Н. Марчук, А.Н. Молдован, В.А. Плулгян и др.);

- *«теория узуса»* (Т. Гивон, А.Е. Кибрик, К. Крофт, Е.С. Кубрякова, Р. Лангакр, Я.Г. Тестелец, С. Томпсон и др.).

Научная новизна заключается в том, что на основании детального анализа большого фактического материала впервые проведен комплексный анализ местоименных прилагательных: определена структура их семантического и денотативного пространств; установлена степень их когнитивной выделенности, что дает возможность выхода на статус местоименных слов не только в сопоставляемых языках в рамках функционально-семантической и когнитивно-дискурсивной парадигм с учетом идеологии корпусной лингвистики, но и в типологию языков.

Теоретическая значимость. Исследование вносит определенный вклад в теорию местоименности и местоименных прилагательных. Работа позволяет уточнить ряд лингвистических проблем, обозначенных в нашем исследовании: статуса местоименных прилагательных, структуры их семантического и денотативного пространства и профилирования местоименных прилагательных в изучаемых языках.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования результатов исследования, выводов и материалов данной работы в курсах сопоставительного языкознания, грамматики, лексикологии; на занятиях по русскому и английскому языку со студентами филологических факультетов, а также в лексикографической и переводческой практике.

Концептуальные идеи диссертации отражены в следующих **положениях, выносимых на защиту:**

1. М е с т о и м е н н о с т ь является уникальным универсальным языковым феноменом, который в современной лингвистике характеризуется широким проблемным полем, выделенным нами, включающем семь основных аспектов.

2. Проблемность местоименности может быть снижена, если вписать исследование местоименных слов в многомерное пространство современной интегративной лингвистики с учетом идеологии корпусной лингвистики, при

синтезе традиционных и новых парадигм с выделением господствующих в современной лингвистике – семантико-функциональной и когнитивно-дискурсивной парадигм.

3. Границы семантического пространства местоименных прилагательных установлены на основе их категориально – функционального признака – дейктического непроецессуального качественного признака предмета. При этом единицей описания является не слово (семантема), а словозначение (семема).

4. Семантическое пространство местоименных прилагательных представляет собой трехуровневую функционально-семантическую структуру, которая по мере снижения уровня иерархии расширяет количество соположенных на горизонтальном уровне членов (полей): три субполя на первом уровне иерархии, шесть микрополей первого уровня – на втором и девять микрополей второго уровня – на третьем, что обусловлено специализацией их функционально-семантического признака в дискурсе.

5. Анализ денотативного пространства местоименных прилагательных в языковых дискурсах, проведенный на основе типовой денотативной ситуации, актуализирующей тип денотата, выявил многокомпонентность денотативного пространства, включающего 41 денотативную сферу. Этот факт объективной данности свидетельствует об экспансии местоименных прилагательных, участвующих в формировании практически всего современного информационного пространства, во всех его сферах: натурсфере, биосфере, социосфере и техносфере.

6. Местоименные прилагательные в русском и английском языках составляют концептуально изоморфные когнитивно-дискурсивные категории, стоящие над всеми другими частями речи, что обусловлено: а) «местоименным типом» лексического значения; б) спецификой функций, имеющих дискурсивную природу; в) статусом «языковых категоризаторов», «языковых исходов» и логических кванторов всеобщности и бытийности; г) экспансией в денотативно-информационное пространство языков.

7. Специфика когнитивно-дискурсивных категорий местоименных прилагательных в русском и английском языках обусловлена, во-первых, специализацией категориально-семантического признака местоименных прилагательных на низших уровнях семантико-денотативной иерархии, во-вторых, средствами вербализации категориально-семантических признаков (смыслов) местоименных прилагательных в дискурсах.

8. Анализ рекуррентности (частотности) местоименных прилагательных в

русскоязычном и англоязычном дискурсах свидетельствует об очень высокой степени когнитивной выделенности (профилированности) этих единиц и категории в целом в национальных концептосферах.

Анализ динамики когнитивной выделенности местоименных прилагательных (1950–2009) в русском языке показывает повышение уровня их профилированности в языке за последние 60 лет. Это способствует «разрешению» антиномии закрытости категории местоименных прилагательных, с одной стороны, и высокой ее профилированностью в языках, с другой стороны, за счет развития категориально-функциональных признаков местоименных прилагательных в дискурсах.

Апробация исследования. Основные положения диссертации обсуждались на объединенном заседании кафедры английского языка и кафедры общей лингвистики и межкультурной коммуникации Института международных связей (2006, 2007, 2008, 2009), а также на кафедре теоретической и прикладной лингвистики Уральского государственного педагогического университета (2007, 2010).

По материалам диссертации сделаны доклады на международных научных конференциях в Москве (2008, 2009), Екатеринбурге (2007, 2008, 2009, 2010), Челябинске (2009); на общероссийских и региональных научных конференциях в Екатеринбурге (2009, 2010), Чебоксарах (2009), Ишиме (2010).

По проблематике диссертации опубликовано 13 научных работ, в том числе 2 статьи, включенные в реестр ВАК МОиН РФ.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав с выводами и заключения. К тексту диссертации прилагается библиография, включающая список научной литературы (326 источников), список словарно-справочной литературы (46 словарей и справочников) и список источников материала, а также шесть приложений. В **Приложениях 1 – 2** приводятся списки МП в русском и английском языках. В **Приложениях 3 – 5** приводятся классификационные схемы денотативного пространства МП со значением признака субсфер «Человек», «Животное» и «Неживой предмет». В **Приложении 6** рассматривается денотативная субсфера МП со значением «Неживой предмет».

Общий объем диссертации составляет 177 страницы. В диссертации содержится 4 таблицы, 4 схемы и 5 гистограмм.

Основное содержание работы

Во **введении** определен объект и предмет исследования, сформулированы его цель и задачи, обоснована актуальность исследования, его научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность, определяются методология и методика работы, излагаются положения, выносимые на защиту, описывается структура диссертации.

Первая глава **«Теоретические основы исследования местоименных прилагательных в когнитивном аспекте»** включает четыре раздела, в которых охарактеризована языковая база исследования. Раздел **1.1** посвящен проблеме частей речи, как «наиболее обширных и существенных классах слов в языке» [Блумфильд 2002 : 209; ЛЭС 2002 : 579], вопросам о границах этих классов и принципах их выделения, которые, хотя и имеют давнюю традицию изучения, «все же не относятся к числу решенных» [Кубрякова 1997а : 3]. Теория частей речи к настоящему моменту насчитывает более чем двухтысячелетнюю историю, представляющую собой неравномерный процесс появления и отрицания различных по своему характеру и объему научных идей. Большинство ученых второй половины XX и начала XXI века склонно считать частеречную теорию неразрешимой: в связи с разногласиями в определении самого термина *часть речи*, а также с различием в классификации частей речи [Лукин 2006 : 70]. Однако на сегодняшний день в современной лингвистической науке все более активно присутствует влияние когнитивного подхода, что, в то же время не отрицает и одновременное влияние прагматического и коммуникативного подходов, тесно связанных с изучением аспектов текста / дискурса [Кубрякова 1997а : 12]. Е.С. Кубрякова рассматривает части речи как набор вполне определенных концептуальных признаков, в силу чего каждая часть речи может быть выделена своей уникальной совокупностью когнитивно–дискурсивных параметров [Кубрякова, Гуреев 2002 : 38]. В разделе **1.2** рассматривается вопрос о местоимениях как особой части речи и их отличительных признаках, который является в достаточной степени дискуссионным и далеко не однозначным. Поэтому проблема местоимений, их

статуса во всех грамматических построениях и классификациях частей речи выделена особо [Шведова 1998 : 176]. В этом контексте вопрос переходности местоимений, их полифункциональности, транспозиционности, конверсионности, прономинализации и других смежных языковых явлений по отношению к другим частям речи также является аспектом, вызывающим не менее многочисленные споры в современной науке [Скобликова 1996 : 72]. На базе анализа отечественной и зарубежной грамматических традиций мы выявили проблемное поле МП, включающее семь проблемных аспектов: первый проблемный вопрос – терминологический: что понимается под местоимением и местоименностью; второй – какова частеречная природа местоимений; третий – выполняют ли местоимения номинативную функцию; четвертый – какова природа местоимений по шкале служебность / знаменательность; пятый – что такое «местоименный тип» [ЛЭС 2002 : 295] лексического значения; шестой – в чем состоит специфика семантики местоимений и седьмой (самый сложный и противоречивый) – каковы доминирующие функции местоимений.

Уровень местоименных прилагательных в системе местоименных слов выступает в качестве одного из «высших исходных уровней естественной категоризации смыслов в языке, предназначенных для обозначения глобальных понятий ментального мира» [Шведова 1998 : 32] и объединяющий комплекс взаимосвязанных элементов внутри своей собственной системы. В данном контексте мы приближаемся к рассмотрению МП как системно–смыслополевой незамкнутой организации в системе частей речи (система, состоящая из подсистем) [Высоцкая 2009 : 41], что позволяет в дальнейшем анализе рассматривать ее в свете логики категориальных множеств как сложную самоорганизующуюся систему, требующую последовательного изучения. В разделе **1.3** определяется сущность когнитивно–дискурсивного подхода к языковым явлениям и таким базовых понятий как картина мира и дис

к у р с. Определяющей чертой современной парадигмы в лингвистике является синтез когнитивного и коммуникативного (прагматического, дискурсивного) подходов к явлениям языка.

Чертами такого подхода является сочетание требований формальной строгости описания с функциональными объяснениями, а также многофакторный анализ изучаемого языкового явления с точки зрения его роли в осуществлении процессов познания и коммуникации [Кубрякова 2000 : 7].

Общеизвестно, что язык фиксирует мировоззренческие ценности, наиболее значимые объекты и их признаки. Язык играет роль в членении мира, влияет на его восприятие людьми, активизирует сознание на определенные аспекты действительности [Кубрякова 1997а]. Понятие к а р т и н а м и р а является одним из фундаментальных понятий, описывающих человеческое бытие и выражающих взаимоотношения человека с миром. В научной литературе к а р т и н а м и р а описывается как сложное, многоуровневое образование, в которое входит научное знание, религиозный опыт, образы искусства, идеология, мифология [Степин 2000 : 190], как целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, она возникает у человека в ходе всех его контактов с миром [Маслова 2005 : 50] и не есть зеркальное отражение реального мира, а его интерпретация. Она зависит от призмы, через которую совершается мировидение [Постовалова 1995 : 55] и помогает извлечь «молчаливое знание» (термин Э. Сепира) [цитируется по: Пименова 1999 : 17] из глубины человеческого сознания.

В лингвистической литературе термин д и с к у р с используется очень

широко, однако на сегодняшний день не существует единого определения, охватывающего все контексты его употребления. На основе дефиниций, данных В.З. Демьянковым [Демьянков 1995 : 239-320], М.Д. Арутюновой [ЛЭС 2002 : 136-137], Л.М. Алексеевой и С.Л. Мишлановой [Алексеева, Мишланова 2002 : 37-107] и другими исследователями, можно выделить 4 инвариантных трактовки термина **д и с к у р с**: 1) в условно названном формальном направлении (классификационно-структурной парадигме) термин имел значение «речь, на заданную тему, беседа, научный спор»; 2) в семантическом направлении (функциональной парадигме) – «предзаданный способ мышления

и его исполнение в речевой деятельности»; 3) в прагматическом направлении – «речь, погруженная в жизнь» [Бенвенист 1974; Арутюнова 1998 : 137], и в 4) когнитивно-коммуникативном направлении – «как вербально опосредованная деятельность профессиональной языковой личности в специальной сфере, в которой происходит развитие языка» [Алексеева, Мишланова 2002]. В нашей работе мы рассматриваем д и с к у р с в синтезе второго, третьего и четвертого направлений: «дискурс – это реализация языковой системы в определенных формальных и семантических структурах, обладающих в зависимости от социально-временой детерминированности различной степенью продуктивности и служащих социуму в качестве инструмента познания мира»

[Белошапкина 2008 : 215]. В разделе **1.4** раскрываются методологические основы изучения МП на стыке двух парадигм: функционально-семантической и когнитивно-дискурсивной с учетом идеологии корпусной лингвистики и теории «узуса».

Вторая глава диссертации «*Семантическое пространство местоименных прилагательных в русскоязычном и англоязычном дискурсах*» содержит шесть разделов. В разделе **2.1** даются основные положения теории поля и полевого подхода к изучению явлений языка, в нашем случае – МП. Под семантическим пространством (полем) понимается «та часть концептосферы, которая получила выражение с помощью языковых знаков»

[Попова, Стернин 2007 : 62] и в этом понимании оно синонимично понятию языковая картина мира [Попова, Стернин 2007 : 64]. В разделе 2.2 раскрываются принципы организации семантического пространства (поля) МП. Категориальным значением, которое объединяет все поле, является дейктический непроецессуальный качественныи признак предмета. Единицей описания, входящей в поле в целом и его подмножества, является не слово (семантема), а словозначение [Шведова 2000 : 5], то есть семема.

Структура семантического пространства (поля) МП дана в схеме (см. на следующей странице).

На первом уровне данная иерархия включает три субполя:

1) МП, указывающие на признак лица (человека).

(1-2) *Трамвай же, утром всегда переполненный, привозил моих сотрудников часто после звонка на урок.* [М. Гиршин. Жили-поживали // «Звезда», 2003]; *If not, sit down and have a chat with **your** child; but not at a time when feelings are running high.* (*Jay loves Lucy*. Fiona. London: Serpent's Tail, 1991, pp. 11-154);

2) МП, указывающие на признак живого существа (животного).

(3-4) *Про **этих** комаров я уже слышала, они водятся только в Южной Африке.* [Признание в.... (форум) (2006-2007)]; *It was the **same** dog he'd*

seen outside Mrs. Wright's hen-house. (King hereafter. Dorothy. London: Arrow Books Ltd, 1992, pp. 37-82);

3) МП, указывающие на признак любого неживого предмета.

(5-6) *Необходимо провести разграничение правовых и иных терминов.* [М. Козлова. Свобода // «Адвокат», 2004.12.01]; *Better keep **such** things decently buried* (Smyth, Edmund J. London: B T Batsford Ltd, 1991, pp. 19-102).

На втором уровне иерархии эти признаки уточняются с позиции определенности / неопределенности и, следовательно, имеют 6 микрополей первого уровня.

(7-8) Вот **та** книга, которую вы хотите прочесть [Алексей Слаповский. Гибель гитариста 2005]; *He didn't like **the** film* Young, Malcolm. Oxford: Oxford University Press, 1991).

(9-10) Когда я вошел, они разговаривали о **каком-то** фильме [Т. Тронина. Никогда не говори «навсегда» 2004]. *Give me **a** pencil, which was designed by a Japanese designer...* (Gabriel. Manchester: Carcanet Press, 1991).

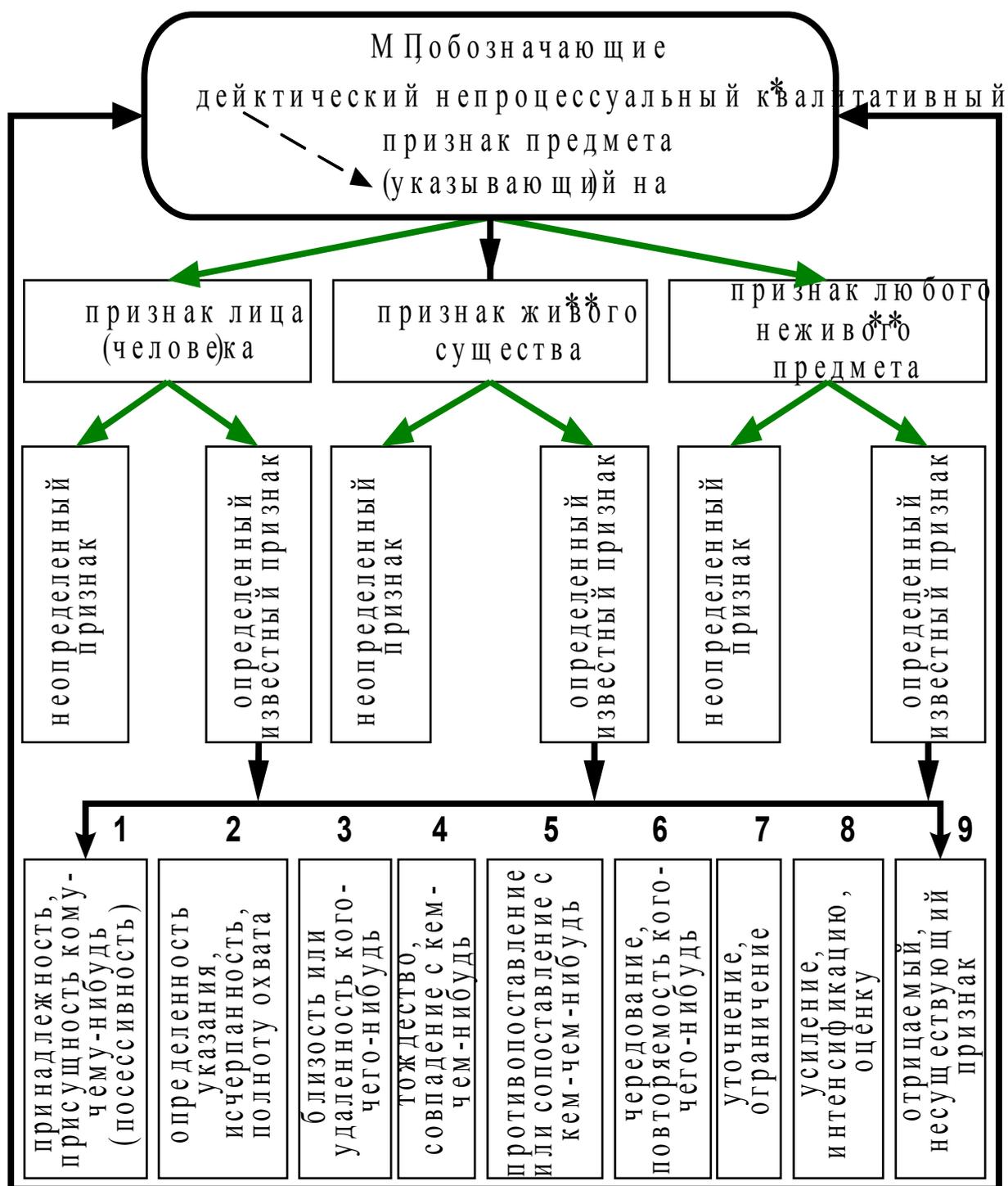
Как видим, в высказывания 7-8 выражается определенный признак предмета, а в высказываниях 9-10 – неопределенный. Различие заключается в том, что в русском языке определенность / неопределенность не является грамматической

категорией, это имплицитная метакатегория, выражаемая разными языковыми средствами, в данных примерах – неопределенными местоимениями и контекстом.

В английском языке, как и во всех романских и германских языках, эта грамматическая категория имеет свое, специфическое средство выражения – определенный или неопределенный артикли.

Схема 1

Семантическое пространство местоименных прилагательных

* Было принято ограничение: в ходе исследования мы рассматриваем только признак качественный (квалитативный), а не количественный, так как данный признак лежит в основе формирования класса местоименных числительных.

** Подход к живому / неживому осуществляется с логической позиции, а не с точки зрения грамматической одушевленности / неодушевленности.

На третьем уровне иерархии идет дальнейшая дифференциация признака с

позиции лексичности¹.

- 1^{**}. (11-12) *Ко мне попал старый фотоальбом **моей** прабабушки.* [Современное искусство (форум) 2007]. *We also visited 'Lord's' before this performance, a place **my** father had longed to see.* (Paper faces. Anderson, Rachel. Oxford: Oxford University Press, 1991).
2. (13-14) *Как, кстати, удалось, не меняя площади территории, **всем** зверушкам отвести довольно большие загоны или клетки, для меня до сих пор загадка.* [О. Г. Баринов. Зоологический сад // «Первое сентября», № 37, 2003]; *When he is subordinate to both of them then a partnership with **either** animal may be established as an aid to intervention.* (Oxford: Oxford University Press, 1990).
3. (15-16) *В 1887 году, в **то** время ваши тезисы по поводу доминант ещё могли иметь место.* [Второе крещение Руси: на капище в Купчино снесут Перуна (форум) 2007]. *From **that** distance it did not look ruined at all (Conversations with Karajan.* Osborne, Richard. Oxford: Oxford University Press, 1991, pp. 2-147).
4. (17-18) *Это был **том** самый человек, который утром сопровождал Нелли.* [Татьяна Тренина. Никогда не говори «навсегда» 2004]; *...at The Opera House was John Gielgud in **that** very controversial King Lear, which was designed by a Japanese designer...* (Gabriel. Manchester: Carcanet Press, 1991).
5. (19-20) *Ходить по улицам страшно, не **одна**, так другая собака облает, а **то** и укусит.* [Виктор Астафьев. Пролетный гусь 2000]; *Humans are normally diurnal, but we are not as immutable as plants or **other** animals* (The intelligence game. Rusbridger, James. London: I B Tauris & Company Ltd, 1991).
6. (21-22) *Уж **который** день дуло с летнего берега, угнало в океан всю наживку, лова не было.* [Е. И. Замятин. Север 2008]; *Two young athletes winning on the big stage and managing to enjoy **every** minute of the experience.* (Modigliani. Rose, June. London: Constable & Company Ltd, 1990, pp. 94-213).
7. (23-24) *Ну а если пару раз вы потянете запястье, то скорее, без **всякого** тренера, научитесь ставить кулак правильно.* [Русская боевая система «Гром» 2004]; *The metabolic rate, i.e. the rate at which calories are burnt, is the **same** in obese individuals as it is in those of normal weight.* (The seventh Birmingham TV Festival. Enterprise Magazines Ltd, 1991).
8. (25-26) - *А меня вдруг ослепила идея: а что, если на **такой** вот лошади*

¹ Под цифрами понимаем микрополя третьего уровня иерархии (см. схему на с. 11 автореферата).

* Универсальным является в языках значение притяжательности (принадлежности, поссессивности), которое в каждом языке имеет свой набор средств выражения. В приведенных высказываниях они совпадают – притяжательные местоимения.

въехать в клетку с хищниками? [Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь 2004]; *At the age of two she said in a conversational tone, 'What a big fat duck, give it a bit of bread'.* (Oil on troubled waters -- Gulf wars. Creighton, John. London: Echoes, 1992, pp. 5-117).

9*. (27-28) *Никоторого* числа День был вовсе без числа, Да зачем оно? [Михаил Успенский. Там, где нас нет 2005]; *The parents had neither the character nor the love to make coping and organization tenable.* (Rendle, Adrian. London: A & C Black Ltd, 1991, pp. 5-107).

В разделе 2.6 исследуется степень когнитивной выделенности, которая определяется через рекуррентность (частотность)** языковых репрезентаций в речи, что является показателем актуальности данных единиц в когнитивном сознании народа [Титкова 2003 : 80; Попова, Стернин 2007 : 148].

Сведения о когнитивной выделенности МП сведены в таблицу 1 (см. на следующей странице).

Анализ показал следующее:

Во-первых, подавляющее большинство МП (47 из 56 в русском и 36 из 36 в английском языках) не просто высокочастотные, а сверхчастотные, входящие в зону **уникальной частотности*** / рекуррентности**, которые в квантитативной лингвистике составляют **высокоранжируемые** слова, являющие собой устойчивое, организованное употребление – «метрополию» языка (по выражению М.В. Арапова). С позиции когнитивной лингвистики – это вербализаторы

к о г н и т и в н ы х к л а с с и ф и к а т о р о в [Попова, Стернин 2007 : 62] русской и английской концептосфер, которые составляют **ядро** языковой картины мира в этих двух языках, причем различия минимальны. Эти р е к у р р е н ы е единицы являются средством презентации «актуального знания» [Титкова 2003 : 85] в наши дни.

Во-вторых, лишь 4 единицы (*всяческий который-то, который-нибудь, никоторый*) в русском языке и ни одной единицы в английском языке являются среднечастотными, составляют «периферию» языковой картины мира этих языков и обладают очень слабой степенью когнитивной выделенности в наши дни.

В-третьих, 4 русских МП (*который-либо, всяк, чей-ничей, какой-никакой*) и

* Необходимо отметить, что в высказываниях отрицаемый, несуществующий признак может быть выражен частицей **не** или словом **нет**, но это выходит за рамки нашего исследования.

* В квантитативной лингвистике «частотой какого-либо явления называют число его появлений в наблюдаемом отрезке действительности» [Головин 1970 : 21]. Степень когнитивной выделенности определялась с учетом массива МП в национальных корпусах для того, чтобы судить об употребительности МП по языкам в целом.

** О зонах частотности см. работы: [Тулдава 1987; Чудинова 1998; Комарова, Краев 2008 : 80].

ни одного МП в английском языке, обладающие низкой частотностью, не являются в наши дни рекуррентными, следовательно, не обладают когнитивной выделенностью.

Таблица 1

Степень когнитивной выделенности*
местоименных прилагательных в русском и английском языках

Степень когнитивной выделен.	Русский язык	Английский язык
очень высокая	этот (1307217), тот (1022900), весь (827457), свой (667917), его (592513), который (378072), один (371354), такой (344798), какой (274408), ее (270362), самый (258929), другой (240265), их (239309), сам (203444), мой (303367), наш (270383), каждый (115124), ваш (103934), всякий (84604), сей (68684), некоторый (67100), какой-то (64174), никакой (59091), твой (55879), данный (49435), иной (45780), любой (38830), последний (22206), чей (15034), некий (13912), следующий (12636), таков (9744), оный (9685), какой-нибудь (7864), каков (7470), таковой (5433), чей-то (5313), этакий (эдакий) (4315), такой (3523), какой-либо (3250), тот-то (2092), кое-какой (1861), экий (1686), ихний (1620), чей-нибудь (576), никой (516), чей-либо (289),	that (1119521), this (454441), his (409826), every (391146), her (303726), one (294970), all (277147), their (254584), what (240113), no (225870), which (200991), (the) other (194365), some (172476), its (160562), my (146713), such (139162), your (134382), any (131215), these (123602), each (119583), our (93416), those (87053), both (67356), (the) same (61106), another (59164), himself (28917), either (27126), themselves (23005), itself (23226), whose (19374), herself (15879), myself (11996), yourself (10337), neither (7946), ourselves (4432), yourself (549), not any (311), thine (62),
средняя	всяческий (48), который-то (34), который-нибудь (33), некоторый (20)	нет
низкая	который-либо (9), всяк (2), чей-ничей (0), какой-никакой (0)	нет

Опираясь на закон коммуникативной релевантности анализируемых единиц [Попова, Стернин 2007 : 149] выявляем динамику когнитивной выделенности МП со второй половины XX века до наших дней

* Необходимо учесть, что в таблице представлена не абсолютная частота местоимений, а суммарное словоупотребление без процесса лемматизации, отсюда такие большие цифры, которые дают частоту в понимании Б.Н. Головина.

(1950 – 2009 гг.).

Правда, это возможно только для русского языка, поскольку существует электронная версия «*Нового частотного словаря русской лексики*», созданная на основе «*Национального корпуса русского языка*», но нет данных по английским МП.

Анализ показал что, во-первых, МП по всем трем зонам частотности повысили свою когнитивную выделенность (профилированность) к концу XXI века, что свидетельствует о дискурсивности МП в русском языке; во-вторых, наблюдаются лишь единичные случаи понижения когнитивной выделенности МП за эти 60 лет, т.е. их д е а к т у а л и з а ц и я (*ихний, каков, эдакий, этакий*).

Такова степень употребительности МП во всем семантическом пространстве в целом.

Анализ когнитивной выделенности местоименных прилагательных по семантическим общностям позволил сделать следующие выводы:

1. Анализ когнитивной выделенности МП (с учетом определенности / неопределенности) позволил определить профилированность семантических субполей МП. Как в русском, так и в английском языках наиболее профилированным является субполе, указывающее на определенный признак любого неживого предмета, наименее выделенным субполем в сопоставляемых языках является субполе, указывающее на определенный признак живого существа.

2. Опираясь на когнитивную выделенность микрополей третьего уровня иерархии в русском и английском дискурсах выявили, что в русском языке самым профилированным для всех субсфер является микрополе третьего уровня иерархии, указывающее на принадлежность, посессивность, а менее профилированным - микрополе, указывающее на отрицаемый (несуществующий) признак.

Иначе дело обстоит в английском языке, где для субсферы с признаком лица наиболее выделенным является микрополе, указывающее на определенность; для субсферы с признаком живого существа - микрополе, указывающее на

уточнение, ограничение и микрополе, указывающее на принадлежность, посессивность для субсферы с признаком любого неживого предмета. Самым низкочастотным микрополем третьего уровня иерархии для всех субсфер является микрополе, указывающее на усиление, интенсификацию, оценку.

Иначе говоря, различия в структуре семантического пространства в изучаемых языках наблюдается лишь на низшем (третьем) уровне иерархии.

Третья глава *«Денотативное пространство местоименных прилагательных в русскоязычном и англоязычном дискурсах»* включает три раздела. Раздел **3.1** посвящен описанию денотативной сферы как объекта лингвистического исследования. На сегодняшний день существует множество определений термина *д е н о т а т*. Например, в ЛЭС дается четыре значения этого термина. Согласно целям и задачам нашего исследования под *д е н о т а т о м* понимаем «множество объектов действительности (вещей, свойств, отношений, ситуаций, состояний, процессов, действий и т.д.), которые могут именоваться данной единицей (в силу ее языкового значения)» [ЛЭС 2002 : 129].

При этом под *д е н о т а т и в н ы м п р о с т р а н с т в о м* обычно понимается фрагмент реальной действительности, стоящий за определенной лексемой [Минь 2009 : 180]. В нашем случае под денотативным пространством понимается тот фрагмент реальной действительности, который репрезентируется МП.

В разделе **3.2** раскрываются принципы организации денотативного пространства МП. Следует отметить, что класс МП вычленяется из общего состава лексики по характеру значения входящих в него единиц: это особый тип слов с **относительным, меняющимся денотатом** (выделено нами – Ю.Ш.), выполняющий функцию так называемых «определителей ситуационных или контекстных взаимоотношений в речи» [Шведова 2002 : 3]. Таким образом, исследование денотативных сфер* МП в дискурсах предполагает их

* В нашем исследовании мы не пользуемся понятием *д е н о т а т и в н ы й к л а с с*, так как многие исследователи (Т.С. Нифанова, Т.В. Симашко, С.А. Цапенко и др.) включают в него разноструктурные единицы. В нашем исследовании пользуемся понятием *д е н о т а т и в н а я с ф е р а*, так как исследуем одноструктурные единицы - местоименные прилагательные.

рассмотрение **в сочетаемости с существительными**, учитывая что организация денотативного пространства существительных с МП сходна с денотативно-идеографическим членением существительных в сочетании с прилагательными, что обусловлено референтной соотнесенностью признаков слов, определяющих имена существительные [Бабенко 2007 : 10]. В связи с этим нами принята денотативно-идеографическая классификация имен существительных в словаре «*Большой толковый словарь русских существительных*» [Бабенко 2004] и для МП.

Выделение денотативных сфер существительных с МП проводится нами с опорой на типовую **д е н о т а т и в н у ю с и т у а ц и ю**, что дает возможность представить «суперпарадигматические группировки слов» [Бабенко 2004 : 17], учитывая их семантические функции в формировании типовой ситуации, отображающие фрагмент языковой картины мира, которая представлена МП, репрезентирующими дейктический непроецессуальный качественный признак предмета.

На этой основе, учитывая схему членения семантического пространства МП денотативное пространство МП членится следующим образом:

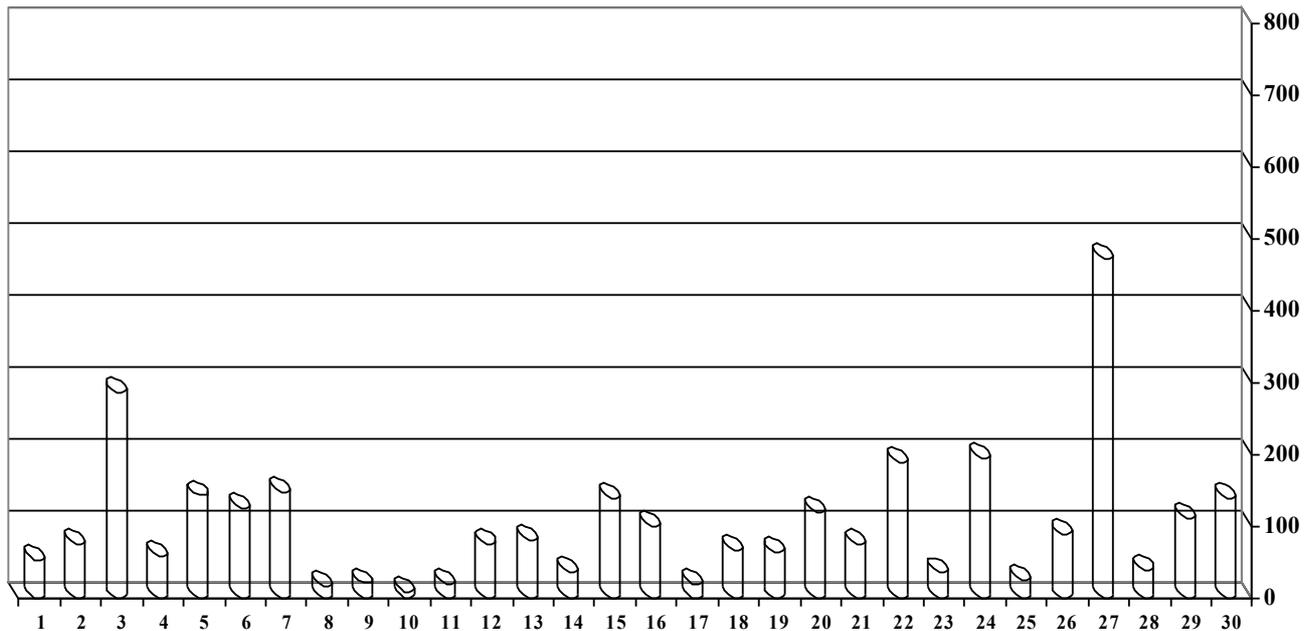
- субсфера «Человек», соотносимая с семантическим субполем первого уровня с признаком лица (человека);
- субсфера «Животное», соотносимая с семантическим субполем первого уровня с признаком живого существа;
- субсфера «Неживой предмет», соотносимая с семантическим субполем первого уровня с признаком любого неживого предмета.

Далее в диссертационной работе последовательно анализируются эти денотативные субсферы. Результаты анализа субсферы «Человек» даются в гистограмме 1 (см. на следующей странице).

Гистограмма 1

Денотативная субсфера МП со значением «Человек»^{*}

* В гистограмме 1 под цифрами указаны следующие денотативные микросферы первого уровня иерархии: 1 - человек как живое существо; 2 - родственные и семейные отношения; 3 - нации; 4 - интеллект; 5 - эмоции; 6 - оценка; 7 - религия; 8 - сверхъестественное; 9 - населенные пункт; 10 - питание; 11 - охота и рыболовство; 12 - сельское хозяйство; 13 - производство; 14 - техника; 15 - военная служба; 16 - медицина; 17 - строительство; 18 - сфера обслуживания; 19 - транспорт; 20 - наука; 21 - образование; 22 - спорт; 23 - развлечения; 24 - искусство; 25 - СМИ; 26 - экономика; 27 - социальные отношения; 28 - управление; 29 - политика; 30 - право.

Как видим, проведенный анализ денотативной субсферы МП со значением «Человек» в русском и английском языках позволил сделать следующие выводы:

1) денотативная субсфера МП со значением «Человек» включает 30 денотативных микросфер первого уровня, которые в свою очередь, членятся на денотативные микросферы второго и третьего уровней;

2) денотативные микросферы «Искусство» и «Социальные отношения» имеют самые сложные структуры и включают по четыре микросферы второго уровня с их последующим делением на микросферы третьего уровня;

3) денотативные микросферы «Человек», «Интеллект», «Эмоции» и др. включают по одной микросфере второго уровня;

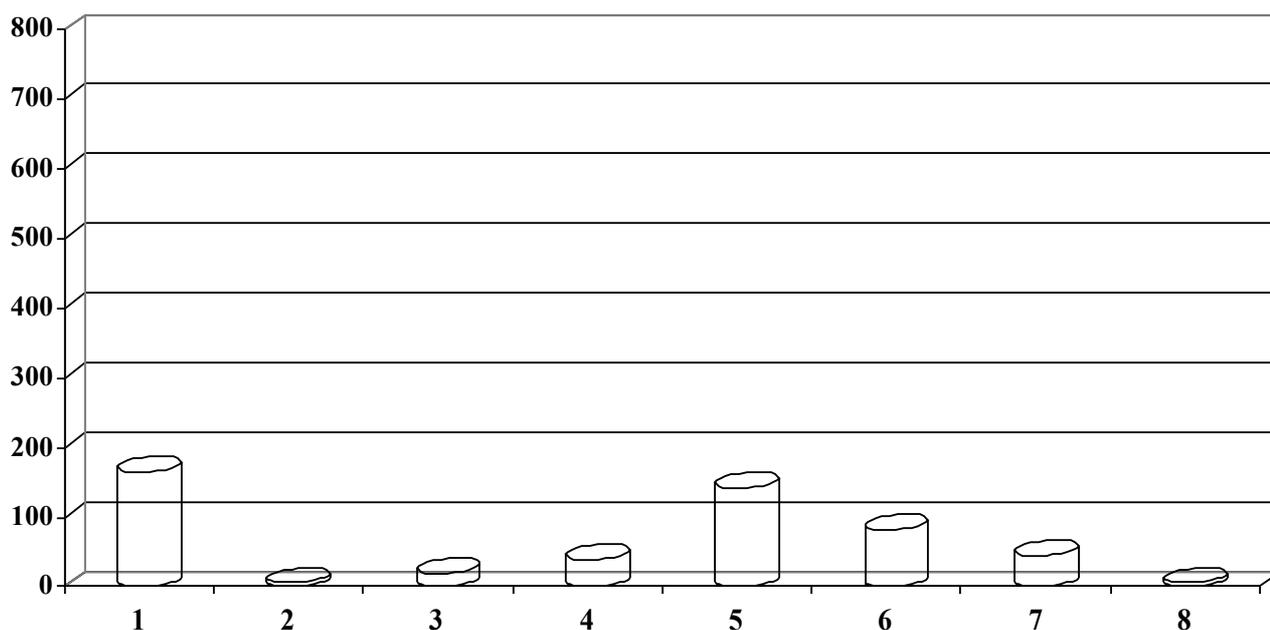
4) по количеству денотатов, входящих в денотативные микросферы первое место в обоих языках занимает денотативная микросфера «Социальные отношения» (примерно одинаковое количество денотатов - 473 в русском языке и 481 в английском языке, например: *работник, специалист, совместитель, секретарь, охранник, депутат, реформатор, джентльмен, патриот...*; *worker, specialist, by-worker, secretary, guard, deputy, reformer, gentleman, patriot...*), а последнее - денотативная микросфера «Питание» (8 денотатов в русском и 14 денотатов в английском языках, например: *вегетарианец, гастроном, гурман, сластена, сладкоежка, лакомка, обжора, чревоугодник*; *vegetarian, gastronome, gourmet, sweet tooth, glutton...*).

Результаты анализа субсферы «Животное» даются в гистограмме 2.

Гистограмма 2*

* В гистограмме 2 под цифрами указаны следующие денотативные микросферы первого уровня иерархии: 1 - млекопитающие животные; 2 - земноводные животные; 3 - пресмыкающиеся животные; 4 - беспозвоночные животные; 5 - птицы; 6 - рыбы; 7 - насекомые; 8 - ископаемые животные.

Денотативная субсфера МП со значением «Живое существо»

Проведенный анализ денотативной субсферы МП со значением «Живое существо» в русском и английском языках позволил сделать следующие выводы:

1) денотативная субсфера МП со значением «Живое существо» включает одну денотативную микросферу первого уровня, которая, в свою очередь, членятся на 8 денотативных микросфер второго уровня;

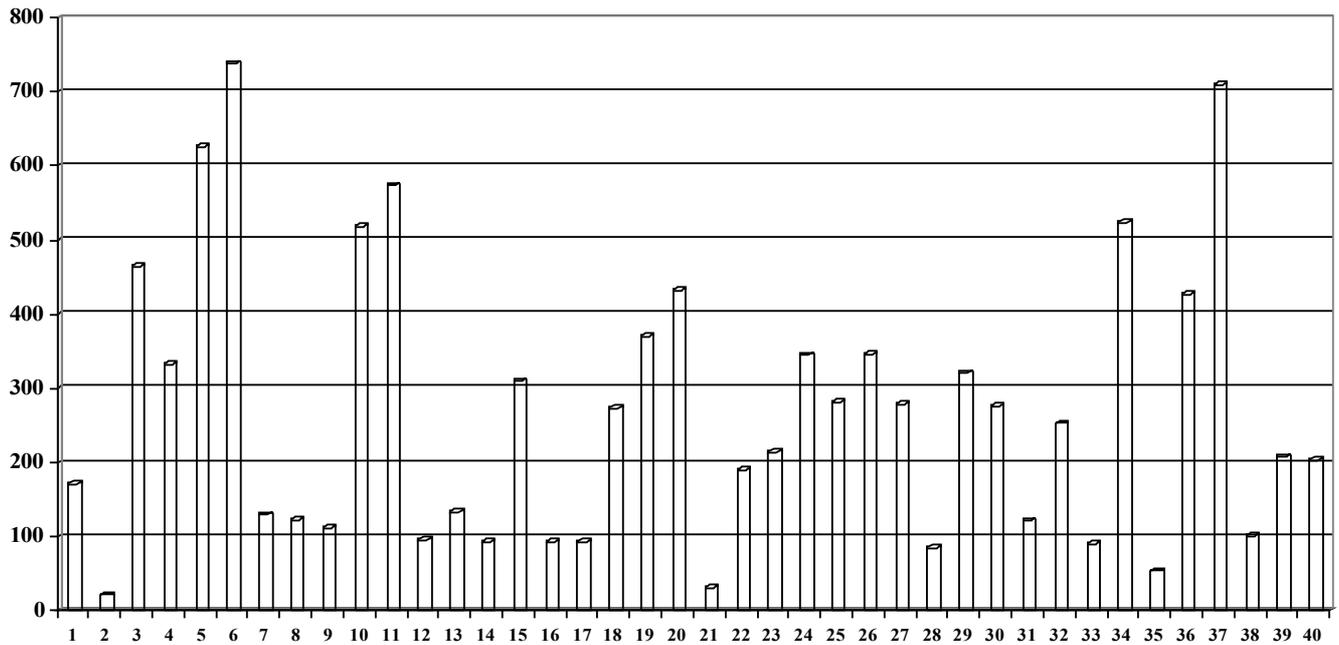
2) денотативная микросфера первого уровня с денотатами, обозначающими млекопитающих животных, имеет самую сложную структуру и включает шесть микросфер второго уровня;

3) по количеству денотатов, входящих в денотативную микросферу первого уровня первое место занимает денотативная микросфера с денотатами, обозначающими млекопитающих животных (166 денотатов в русском и в английском языках, например: *волк, кошка, лев, бык, конь, мышь, обезьяна, дельфин, кит, еж, крот...*; *wolf, cat, lion, bull, horse, mouse, monkey, dolphin, whale, hedgehog, mole...*), а последние - денотативная микросфера первого уровня с денотатами, обозначающими ископаемых животных (*динозавр, ихтиозавр, мамонт, мастодонт, птеродактиль, dinosaur, ichthyosaurus, mammoth, mastodon, pterodactyl*). В эту микросферу входит только пять денотатов.

Гистограмма 3

Денотативная субсфера МП со значением «Неживой предмет»*

* В гистограмме 3 под цифрами указаны следующие денотативные микросферы первого уровня иерархии: 1 - денотаты с соматическими признаками; 2 - родственные и семейные отношения; 3 - растения и грибы; 4 - неживая природа; 5 - интеллект; 6 - эмоции; 7 - оценка; 8 - время; 9 - пространство; 10 - предмет; 11 - вещество; 12 - форма; 13 - количество; 14 -

Проведенный анализ денотативной субсферы МП со значением «Неживой предмет» в русском и английском языках (см. гистограмму 3) показал что:

1) субсфера МП со значением «Неживой предмет» включает 40 денотативных микросфер первого уровня, с последующим их делением на микросферы второго и, для некоторых, третьего уровней. Тем самым эта субсфера является самой большой и сложной субсферой из всех;

2) две микросферы первого уровня «Неживая природа» и «Социальные отношения» насчитывают наибольшее количество микросфер второго уровня (16 микросфер), то есть они являются самыми сложными сферами всего современного денотативно-информационного пространства; денотативная субсфера МП со значением «Время» имеет самую сложную иерархическую структуру и включает 4 микросферы второго уровня с их последующим делением на 11 микросфер третьего уровня, что обусловлено выделенностью концепта «Время» в национальных концептосферах;

3) микросферы первого уровня «Родственные отношения» и «Количество» насчитывают лишь по две микросферы второго уровня;

4) по количеству денотатов, входящих в денотативную микросферу первое место в обоих языках занимает денотативная микросфера «Социальные отношения» с близки количеством денотатов: 740 единиц в русском языке и 725 в английском языке, например: *верность, честь, бизнес, карьера, сообщество, правило, право, собрание, форум, опрос, реформа, забота, месть, свобода, приказ, расписка...*; *loyalty, honour, business, career, community, rule, right, meeting, forum, survey, reform, revenge, freedom, order, receipt...*), а последнее - денотативная микросфера «Родственные отношения» (22 денотата в русском языке и на четыре денотата больше в английском языке, например: *брак, многоженство, родство, супружество, поколение, семья...*; *marriage, polygamy, blood relationship, wedlock, generation, family...*).

Завершается глава сопоставительным анализом денотативного пространства

МП в русскоязычном и англоязычном дискурсах, который дан в таблице 2.

Таблица 2

Денотативное пространство МП

в русскоязычном (РД) и англоязычном (АД) дискурсах*

1	2		3		4		5		6	
	РД	АД	РД	АД	РД	АД	РД	АД	РД	АД
«Неживой предмет»	40	40	социальные отношения		740	725	родственные отношения		22	26
«Человек»	30	30	социальные отношения		473	478	родственные отношения		8	14
«Животное»	8	8	млекопитающие животные		166	166	ископаемые животные		5	5

В **заключении** подводятся итоги данного исследования: проведенное экспериментальное исследование функционирования местоименных прилагательных в русскоязычном и англоязычном дискурсах и степени их профилированности в языках свидетельствует о перспективности когнитивно-дискурсивного подхода к изучению не только местоименных прилагательных, но и всего проблемного поля местоименности, а сама категория местоименности в русском и других языках является по своей природе категорией **к о г н и т и в н о – д и с к у р с и в н о й**, видимо такой же она является и на других классах местоименных слов, что открывает перспективу дальнейших изысканий в этой области.

Основные положения и результаты исследования отражены в следующих опубликованных работах:

В изданиях, включенных в реестр ВАК МОиН РФ:

1. *Шадрина, Ю.Ю.* Категория местоименности в когнитивном аспекте: о когнитивной выделенности местоимений-прилагательных в национальных концептосферах / З.И. Комарова, Ю.Ю. Шадрина // Вестник Челябинского государственного университета. – № 43 (181). – 2009. С. 78–87.

2. *Шадрина, Ю.Ю.* Проблемное поле местоименности и местоимений: История и современность / З.И. Комарова, Ю.Ю. Шадрина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – №1 (177). – 2010.– С. 32–39.

В сборниках научных трудов и материалах научно-практических конференций:

3. *Шадрина, Ю.Ю.* О семантике местоименных слов и выражений / Ю.Ю. Шадрина // Лингвистика, перевод и межкультурная коммуникация: материалы IX Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2007. –

С. 89–91.

4. *Шадрина, Ю.Ю.* Проблема местоимения как части речи в современном английском языке / Ю.Ю. Шадрина // Лингвистика, перевод и межкультурная коммуникация: материалы X Международной научно-практической конференции / Институт международных связей. – Екатеринбург, 2008. – С. 118–121.

5. *Шадрина, Ю.Ю.* Проблема систематизации языковых единиц в зарубежном языкознании / Ю.Ю. Шадрина // Вопросы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения: сборник материалов конференции. – М.: РУДН, 2008. С. 355–363.

6. *Шадрина, Ю.Ю.* Семантическое поле местоименных прилагательных со значением признака, исходящего от лица или живого существа / Ю.Ю. Шадрина // Лингвистика, перевод и межкультурная коммуникация: материалы XI Международной научно-практической конференции / Институт международных связей. – Екатеринбург, 2009. – С. 78–81.

7. *Шадрина, Ю.Ю.* Семантическое поле местоименных прилагательных / Ю.Ю. Шадрина // Актуальные проблемы: германистики, романистики и русистики: материалы ежегодной научной конференции, Екатеринбург, 6-7 февраля 2009 г. / Урал. гос. пед. ун-т. - Екатеринбург, 2009. – С. 390–398.

8. *Шадрина, Ю.Ю.* Семантическое микрополе местоименных прилагательных со значением признака, о котором требуется или предоставляется информация / Ю.Ю. Шадрина // Актуальные вопросы когнитивной семантики и организации текста: сб. науч. ст. по материалам V науч.-практ. конф. «Актуальные вопросы языковой динамики и межкультурной коммуникации» / Чуваш. гос. пед. ун-т; отв. ред. Н.Ю. Шугаева, Н.В. Кормилина. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2009. – С. 132–136.

9. *Шадрина, Ю.Ю.* Основные направления когнитивного изучения дискурса / Ю.Ю. Шадрина // Язык и культура: Сборник статей. – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2009. – С. 157–162.

10. *Шадрина, Ю.Ю.* Национальный корпус языка как источник лингвистического знания / Ю.Ю. Шадрина // Язык профессиональной коммуникации: сборник статей участников Четвертой Международной научной конференции (Челябинск, 3-5 декабря 2009 г.) / отв. ред.- сост. Е.Н. Квашнина; чл. редкол. С.А. Питина, Л.А. Шкатова / Челяб. гос. ун-т. – Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2009. – С. 368–371.

11. *Шадрина, Ю.Ю.* Семантическое микрополе (первого уровня) местоименных прилагательных, указывающих на признак неопределенный либо точно не называемый / Ю.Ю. Шадрина // Актуальные проблемы лингвистики и теории преподавания языков и культур: материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. С.М. Поляков. – Москва – Шадринск: Изд-во ШГПИ, 2009. – С. 266–270.

12. *Шадрина, Ю.Ю.* Лексико-семантическая классификация лексики как основа для исследования местоименных прилагательных. / Ю.Ю. Шадрина // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: Материалы ежегодной международной научной конференции, Екатеринбург, 5-6 февраля

2010 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010. – Ч.1. – С. 246–250.

13. *Шадрина, Ю.Ю.* Дейктичность местоимения / Ю.Ю. Шадрина // Актуальные проблемы германистики: сборник научных работ / Ишимский гос. пед. ун-т; ред. коллегия Л.Я. Зятькова, В.В. Панин. – Ишим: изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова. – 2010. – Вып. 6. – С. 70–74.

явления и события; 15 - религия; 16 - сверхъестественное; 17 - населенные пункт; 18 - быт; 19 - питание; 20 - одежда; 21 - охота и рыболовство; 22 - сельское хозяйство; 23 - производство; 24 - техника; 25 - военная служба; 26 - медицина; 27 - строительство; 28 - сфера обслуживания; 29 - транспорт; 30 - наука; 31 - образование; 32 - спорт; 33 - развлечения; 34 - искусство; 35 - СМИ; 36 - экономика; 37 - социальные отношения; 38 - управление; 39 - политика; 40 - право.

- * Под цифрами указаны следующие заголовки: 1 - денотативные субсферы; 2 - общее количество денотативных сфер; 3 - наибольшая профилированность денотативных сфер; 4 - количество денотатов в этих сферах; 5 - наименьшая профилированность денотативных сфер; 6 - количество денотатов в этих сферах.